

Л.Д. Демидова*

ОБРАЩЕНИЕ К СЮЖЕТАМ ИЗ ПРОШЛОГО
В СОЧИНЕНИЯХ «ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ»
СТАРООБРЯДЧЕСТВА И ИХ
«ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭРУДИЦИЯ»**doi:10.31518/2618-9100-2024-2-18
УДК 801.8(471)+930.85

Выходные данные для цитирования:
Демидова Л.Д. Обращение к сюжетам из прошлого в сочинениях «отцов-основателей» старообрядчества и их «историческая эрудиция» // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 253–268.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-18.pdf>

L.D. Demidova*

APPEAL TO THE PLOTS FROM THE HISTORICAL PAST
IN THE WRITINGS OF THE “FOUNDING FATHERS”
OF THE OLD BELIEVERS AND THEIR
“HISTORICAL ERUDITION”**

doi:10.31518/2618-9100-2024-2-18

How to cite:
Demidova L.D. Appeal to the Plots from the Historical past in the Writings of the “Founding Fathers” of the Old Believers and Their “Historical Erudition” // Historical Courier, 2024, No. 2 (34), pp. 253–268.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-18.pdf>]

Abstract. Proof by referring to past events is an important component of the early Old Believer polemics. Researchers have repeatedly paid attention to this feature. However, most often scientists were interested in the “big” historical concepts of the Old Believers, their interpretation of historical events in the light of eschatological theories. Much less often, they considered historical subjects that were used by the Old Believers in connection with polemics on certain issues, for example, of a dogmatic or moral nature. It seems that appealing to the entire set of arguments with examples from the past is important not only for identifying the reading range, the system of book authorities, and the origins of the ideology of the early Old Believers, but also for understanding the nature and specificity of the knowledge about the past possessed by its “founding fathers”. In the context of controversy surrounding church reform in the 50–70s of the 17th century Old Believer authors, sometimes forced to quickly resist innovations, first turned to sources already known to them, from which they could glean the necessary information about the past, and on this basis undertook a search for new data. Book sources for such examples, along with historical works themselves, were often works whose main function was not related to the transfer of purely historical knowledge. Information about the past was drawn from printed publications intended for religious education (“Kniga o vere”, “Kirillova kniga”), and from Old Russian works of doctrinal and polemical content (Maxim the Greek, Iosif Volotskii), hagiographic oeuvres, source of canon law – Kormchaya kniga. This list of works is well known to researchers of the Old Believers in connection with the analysis of ideological issues. However, their role in the formation of the “historical erudition” of the defenders of the old rite is not so obvious. It seems that they were the full-fledged sources of more or less mass (to the extent that this was possible by the standards of the 17th century) knowledge about the past, despite the fact that works of the historical genre had long and firmly taken their place in ancient Russian literature. This feature, it seems, should be taken into account when studying knowledge of the past shared of people of the 17th century.

* **Лариса Денисовна Демидова**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: lardem.nsk@gmail.com

Larisa Denisovna Demidova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: lardem.nsk@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006).

Keywords: church reform of Patriarch Nikon, Old Believers, historical past, historical memory.

The article has been received by the editor on 15.01.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Доказательство при помощи обращения к событиям прошлого – важная составляющая раннестарообрядческой полемики. На эту особенность исследователи неоднократно обращали внимание. Однако чаще всего ученых интересовали «большие» исторические концепции старообрядцев, интерпретация ими исторических событий в свете эсхатологических теорий. Значительно реже рассматривались исторические сюжеты, привлекавшие старообрядцами в связи с полемикой по отдельным вопросам, к примеру, догматического или нравственного характера. Как представляется, обращение ко всей совокупности аргументации примерами из прошлого имеет значение не только для выявления круга чтения, системы книжных авторитетов, истоков идеологии старообрядчества, но и для понимания характера и специфики знаний о прошлом, имевшихся у его «отцов-основателей». В ходе полемики вокруг церковной реформы 50–70-х гг. XVII в. старообрядческие авторы, вынужденные порой в короткий срок дать отпор нововведениям, в первую очередь обращались к уже известным им источникам, из которых они могли почерпнуть нужные сведения о прошлом, и на их основе предпринимали поиски новых. Книжными источниками подобных примеров наряду с собственно историческими сочинениями часто выступают труды, основная функция которых не была связана с передачей чисто исторических знаний. Сведения о прошлом черпались и из печатных изданий, предназначенных для религиозного просвещения («Книге о вере», сборника «Кириллова книга»), и из древнерусских сочинений вероучительного и полемического содержания (Максима Грека, Иосифа Волоцкого), проложных и минейных житий, памятника канонического права – Кормчей книги. Этот перечень сочинений хорошо знаком исследователям старообрядчества в связи с анализом вопросов идеологии. Однако их роль в формировании «исторической эрудиции» защитников старого обряда не столь очевидна. Как представляется, именно они были полноправными источниками более-менее массового (в той мере, в какой это было возможно по меркам XVII в.) знания о прошлом, несмотря на то, что сочинения исторического жанра давно и прочно заняли место в древнерусской литературе. Эту особенность, как представляется, следует принимать во внимание при изучении знаний о прошлом людей XVII в.

Ключевые слова: церковная реформа патриарха Никона, старообрядчество, историческое прошлое, историческая память.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024 г.

Постановка проблемы. Хорошо известно, что, начиная с самых первых полемических сочинений в защиту дореформенной церковной практики, старообрядческие писатели особое внимание уделяли обоснованию своей точки зрения. В доказательство каноничности своих взглядов они с разной степенью подробности описывали рукописные и печатные книги, в которых находили подтверждение своим основным постулатам. Такой способ ведения полемики применялся в сочинениях идейных вдохновителей раннего старообрядчества как написанных до собора 1666–1667 гг., так и после того, как защитники старого обряда официально стали «раскольниками». Старообрядческие полемисты часто обращали внимание на внешний вид, место и время выхода книг: «...печатана же та книга Грамматика в Вилне,

в друкарне братской, в лето 7103-го году, месяца февраля во 12 день»¹, «Книгу видех писану по харатии при великом князе Данииле и при Фотии, митрополите Киевском и всея Руси, в лето 6932-е, проклиная в ней и латынския ереси многия...»². В обширной Челобитной Никиты Добрынина – единственном из ранних старообрядческих сочинений, в котором автор обращается к тщательному анализу богослужебных текстов, не только указаны разбираемые книги, но и отмечены конкретные листы, на которых расположен обсуждаемый текст. Известны как отдельные сочинения, так и сборники выписок, в которых методично приведены ссылки на рукописные и печатные книги, послужившие источником для аргументации³.

Одновременно с обоснованием своей правоты защитники «старой веры» указывали на безосновательность позиции своих оппонентов. Помимо подробного разбора догматического смысла богослужебных изменений, старообрядческие лидеры подвергали критике книжные источники «никонианских» воззрений: от обвинений в их полуеретическом происхождении до указаний на их подложность. Так, священнику Лазарю, дьякону Федору и вслед за ним и иноку Авраамии не давал покоя фантом «иподьякона Дамаскина»: «А что, государь, в новых книгах о трех перстах пишет Дамаскин иподьякон: и ему имени греки и наши новолубцы не ведают. И то, государь, знатно, яко без имени добрые люди не бывают»⁴, «...а что ссылаются, государь, ныне некоего иподьякона и студита Дамаскина, – а прямово имени ему нет, – и тот их Дамаскин недавно еще был, всего лет с восемьдесят. Неведомо, кто он»⁵, «...и егда, государь, вопрошаеми от нас о своем их мудровании: кто вам предаде сие и кто вас научи сему, еже Троицею крест воображати? И ссылаются на неведомаго человека, Дамаскина именем, иподьякона, студита, что он тако мудрствовал и написал. А тот их Дамаскин неведомо кто, и во святых не слышим его»⁶. Хотя этот аргумент был заимствован старообрядческими полемистами из «Прения с греками о вере» Арсения Суханова, обращает на себя внимание настойчивость, с которой они подчеркивают «неисторичность» упоминаемого персонажа, уличают оппонентов в том, что он попросту не существовал на самом деле.

Доказательство при помощи обращения к событиям прошлого – важная составляющая раннестарообрядческой полемики. На эту особенность исследователи неоднократно обращали внимание. Однако чаще всего ученых привлекали «большие» исторические концепции старообрядцев, интерпретация ими исторических событий в свете эсхатологических теорий. Подчеркивалось, что ряд событий прошлого, таких как Великая схизма, Ферраро-Флорентийский собор или заключение Брестской унии, интерпретировался различными старообрядческими идеологами в соответствии с их представлениями о переживаемом настоящем как начале «последних времен»⁷. Подобный взгляд влиял на восприятие не только далеко отстоящих по времени событий, но и на ближайшую ретроспективу: к примеру, инок Авраамий в конце 60-х гг. XVII в. делал попытки придать эсхатологический оттенок интерпретации событиям церковной жизни 50-х гг., свидетели которых были еще живы⁸, не говоря уже о

¹ Герасим (Фирсов). О сложении перстов, еже которыми персты десныя руки подобает всякому православному христианину воображати на себе знамение честнаго креста // Никольский Н.К. Сочинения соловецкого инок Герасима Фирсова по неизданным текстам (к истории северно-русской литературы XVII в.). [СПб.], 1916. С. 171.

² [Авраамий, инок]. Христианоопасный щит веры // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1885. Т. 7. С. 29–30. Глава 5 сборника принадлежит дьякону Федору.

³ См., например, обобщающий обзор исследований на эту тему: Гурьянова Н.С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск, 2017. С. 97–137.

⁴ Лазарь, свящ. Челобитная царю Алексею Михайловичу, писанная в Пустозерске в 1668 г. // Материалы для истории раскола. М., 1878. Т. 4. С. 228–229.

⁵ [Авраамий, инок]. Христианоопасный щит веры... С. 30. Глава 5 сборника принадлежит дьякону Федору.

⁶ Замысловский Е.Е. Челобитная старца Авраамия // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1877. Т. VI. Отд. II. С. 48.

⁷ Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. 1–15; Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 317–319, 345–346; и др.

⁸ Демидова Л.Д. Истоки русского раскола: инок Авраамий. СПб., 2022. С. 291.

том, что собор 1666–1667 гг. практически молниеносно стал частью концепции «поэтапного отступления»⁹. Обращаясь к истории, лидеры движения искали в ней объяснение событиям, происходящим в настоящем – такой подход отчасти соответствует целям, с которыми апеллируют к прошлому и люди Новейшего времени¹⁰.

Значительно реже исследователи обращались к анализу роли отдельных сюжетов в раннестарообрядческой полемике. Интересные наблюдения об этом можно найти у Н.Ю. Бубнова: ученый, в частности, посвятил несколько страниц своей фундаментальной монографии сюжетам о папе Формосе и папессе Иоанне и их источникам¹¹. Пример успешного анализа сюжета о митрополите Исидоре и латинском крыже представлен в недавней статье Н.С. Гурьяновой: ею показана роль подобных экскурсов в системе доказательств при защите старого обряда¹². Отметим также ее статью о влиянии «Хронографа», составленного соловецким книжником Сергием Шелониным на сочинения Геронтия Соловецкого, в которой анализируется процесс «становления в старообрядчестве пророческо-эсхатологического типа соединения русской истории с мировой» и детально разбираются источники, которыми пользовались оба автора для своих исторических штудий¹³.

Между тем отдельные исторические примеры, которые приводились ранними старообрядцами не в контексте их религиозно-идеологических теорий, а как аргументы в полемике по отдельным вопросам, к примеру, догматического или нравственного характера, интересны прежде всего тем, что позволяют увидеть общий уровень представлений об истории у лидеров старообрядческого движения. Такие сюжеты были, по сути, вспомогательным элементом полемики, важными (как было упомянуто выше), но не «несущими элементами» идеологической конструкции. Старообрядческие писатели в подобных случаях не претендовали ни на выяснение «исторической истины», ни на концептуальное объяснение прошлого, как это было в случае эсхатологических теорий. Как представляется, исследование аргументации примерами из истории имеет значение не только для выявления круга чтения, системы книжных авторитетов, истоков идеологии раннего старообрядчества, но и для понимания характера и специфики собственно знаний о прошлом, имевшихся у его «отцов-основателей». В более широком смысле – о характере «исторической эрудиции» социального слоя, из которого они по преимуществу вышли. Это прежде всего (но не исключительно) белое городское духовенство, которое продолжило традиции книжников Древней Руси в условиях раннего Нового времени. Охарактеризовать и проанализировать специфику этих знаний, их источники является целью настоящей статьи.

Исследование опирается на корпус известных на сегодняшний день сочинений раннего старообрядчества. В ходе работы с ними обозначился ряд ограничений. В силу того что почерпнуть материал для изучения «исторической эрудиции» ранних старообрядцев мы можем почти исключительно из полемических текстов, вычлененные из них исторические сюжеты будут носить неизбежно фрагментарный характер. Это может создать впечатление и об отрывочности знаний о прошлом у ранних старообрядческих писателей. Вдобавок, даже если они не являются частью эсхатологической концепции, это совсем не «фоновые» знания, излагаемые à propos. Все приводимые примеры из прошлого прошли целенаправленный отбор. Однако логично предположить, что в условиях 50–70-х гг. XVII в., когда разворачивалась драма раскола Русской церкви, старообрядческие полемисты, вынужденные в сравнительно короткий срок дать отпор нововведениям, в первую очередь обраща-

⁹ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 91.

¹⁰ См., например: Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4. С. 6–9.

¹¹ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. ... С. 88–104.

¹² Гурьянова Н.С. Сюжет о митрополите Исидоре в системе аргументации старообрядцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. № 3. С. 36–43.

¹³ Гурьянова Н.С. Исторические штудии противников церковной реформы во второй половине XVII в. // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 238–250. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-15.pdf> (дата обращения: 27.12.2023).

лись к уже известным им источникам, из которых они могли почерпнуть нужные сведения о прошлом, и на их основе предпринимали поиски новых. При этом достаточно очевидно, что ту работу по поиску и систематизации аргументации, которая привела в XVIII в. к появлению таких вершин апологетики, как «Поморские ответы» и «Щит веры» Тимофея Андреева, ранние старообрядцы вели в гораздо меньшем масштабе. Последнее обстоятельство позволяет при изучении аргументации примерами из прошлого не делать резких разграничений на некое «изначальное», дореформенное знание об истории и знание, «добытое» в результате целенаправленного поиска исторических примеров.

Необходимо также принять во внимание, что разные старообрядческие авторы испытывали неодинаковый интерес к аргументации примерами из прошлого. Здесь играла роль, вероятно, как личная образованность, начитанность, так и задачи полемики. К примеру, большое значение подобной аргументации придавал дьякон Федор, который часто еще и методично перечислял источники своих знаний. Напротив, очень мало «исторической» аргументации у его идейного наставника старца Спиридона Потемкина. Хотя последний стоит у истоков старообрядческого варианта концепции «поэтапного отступления» от истинного православия, вехами которого названы конкретные исторические события, Спиридон Потемкин был, скорее, мастером обсуждения догматических тонкостей. Никита Добрынин при критике нововведений значительно чаще апеллировал к текстам литургических книг, нежели обращался к историческим сюжетам. У протопопа Аввакума исторические примеры порой помещены в неожиданный, зачастую бытовой контекст, всякий раз создающий впечатление их случайности. Книжные источники знаний (в том числе и исторических) протопопа Аввакума и инока Епифания с большой тщательностью выявлены Н.С. Демковой, Н.Ф. Дробленковой и Л.И. Сазоновой¹⁴. Редкий пример подобной комплексной работы с наследием других раннестарообрядческих идеологов – комментарий к изданиям сочинений Геронтия Соловецкого¹⁵.

Способы апелляции к прошлому в старообрядческих сочинениях крайне разнообразны: от кратких упоминаний об отдельных именах, событиях, процессах, датах, которые вставлены в рассуждения по различным вероучительным вопросам, до развернутых новелл. Будучи наследниками традиционной, по преимуществу религиозной культуры, лидеры раннего старообрядчества воспринимали прошлое как часть священной истории¹⁶. Исходя из отмеченной особенности, обнаруженные в старообрядческих сочинениях сведения о прошлом не делились на достоверные/недостоверные, реальные/легендарные.

Исторические примеры в неисторической аргументации. Вполне предсказуемо подавляющее большинство сюжетов из прошлого, к которым обращались лидеры раннего старообрядчества, относится к церковной истории, нередко древней. Случаев обращения к примерам из светской истории в общей массе немного. Это, очевидно, обусловлено и религиозным характером самого конфликта, и – как следствие этого – характером старообрядческой полемики. Будучи сосредоточенной на разборе догматических вопросов, она содержала немало экскурсов в историю древних ересей и вселенских соборов. Типичен для такого рода экскурсов пример из Челобитной инока Авраамия: «Той бо злочестивый Несторий Господа нашего Иисуса Христа на два состава разделить не убоился: иного быти Бога Слова, от Отца рожденна, глаголаше, иного же от Марии рожденна человека. Сего ради окаянный и пречистую Богородицу, святую Деву Марию, неизреченно Слово Божие рождышую, не нарицая Богородицу, но Христородицу, улишая окаянный Сына Божия боже-ства, тако и рождышую Его Матерь – богородичнаго звания. Святии же отцы, много того наказавше, не возмогоша обратити; но, востав, отиде от них с шестью епископы, единомыш-

¹⁴ Сарафанова (Демкова) Н.С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 329–340; [Демкова Н.С., Дробленкова Н.Ф., Сазонова Л.И.] Источники и параллели к текстам (комментарий) // Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975. С. 228–251.

¹⁵ Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб., 2006. С. 11–99.

¹⁶ Перечень специальных работ, посвященных этой проблеме, см. в статье: Громов Н.Н. Время и его восприятие в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2. С. 7–8.

ленники ему. Святити же отцы собором, по святым правилом, того осудиша и вечно анафематисаша, Господа нашего Иисуса Христа во едином составе, во двою же естеству, в божестве и человечестве, проповедаша, и пречистую Его Богоматерь воистину истинную Богородицу проповедаша»¹⁷. Он приведен по случаю критики исправления имени Иисус (написание через *и* и *иже* – Иисус), адепты которого указывали на то, что оно символизирует божественную и человеческую природу Христа. Обращение к примеру из ранней эпохи христианства не ограничивается здесь, однако, указанием на сущность догмата о природе Христа и на факт его искажения Несторием. Во фрагменте изложены также подробности, сопровождавшие появление несторианства, очевидно, с целью показать, что оно было предано осуждению с соблюдением всех канонических норм – «собором» и «по святым правилом». В этом нашли отражение главное чаяние и главная цель старообрядческой полемики 50–70-х гг. XVII в. – неизменное требование «правого суда» с никонианами, соборного осуждения реформ. Таким образом, приведенный пример не является только апелляцией к каноническому установлению, в нем намеренно заострен собственно событийный, исторический аспект, что позволяет полемисту провести аналогию между обстоятельствами прошлого и настоящего. Этот прием в целом является типичным местом старообрядческой полемики¹⁸.

Необходимо подчеркнуть очевидный факт, что приводимые старообрядцами исторические примеры в сочинениях, откуда они черпались, часто уже были встроены в систему определенных религиозно-идеологических взглядов. Однако сюжеты из прошлого не всегда заимствовались как неотъемлемая часть аргументации, они могли менять и нередко меняли первоначальный контекст употребления.

То, как по-разному могла быть использована аргументация примером из прошлого, иллюстрирует известный в литературе сюжет о папессе Иоанне. Знакомство с ним у старообрядцев состоялось, надо полагать, благодаря «Книге о вере» (глава 27 «О порочных папезех»). В печатном издании сюжет призван подкрепить утверждение, что женщина на папском престоле – это Божье наказание за грехи римской церкви: «И се воистинну меньшая на костел римский язва пала наказанием от Бога, глаголющаго: “И жены владети вами будут”, егда жена папою быти, костел римский и духовенство его строити посажена была. Ей же имя было Иоанн. Сия егда чревата бысть, и в некий праздник до костела латеранскаго идущи, родила отроча при людех всех»¹⁹. В своей полемике к его помощи прибегали инок Авраамий и протопоп Аввакум.

У Аввакума сюжет привлечен для критики нововведенного святительского головного убора, причем из фрагмента «Книги о вере» взята только подробность о публичных родах папы-женщины. Связь сюжета с особенностями святительского облачения, по-видимому, – плод творческого воображения Аввакума: «...Бысть в лета наша в русской земли божие попущение, а дияволе злохитрие: изникоша из бездны мниси, нареченныя монахи, имеюще на себе образ любодейный: камилавки – подклейки женския и клобуки рогатыя; получиша себе сию пагубу от костела римскаго. Бысть в Риме, прежде собора Фларенскаго, на престоле в папах баба еретица. В Римской церкви, по пущению Божию, устроила себе клобук на подклейки, – сицевым образом, яко же Никон, еже носят и ныне прельщении тамо и здесь. Идущу ей, любодейце, за кресты, в ходу родила, на пути идучи, младенца выблядка. Разумевше же римстии людие, извергоша от сана святительства, яко на Москве врага божия, патриарха Никона; клобук же ея и всяко мудрование в церкви не изриновено бысть»²⁰.

Авраамий совершенно по-другому распоряжается сюжетом. На его основе он строит критику ночного водоосвящения, введенного патриархом Никоном якобы «по римскому обычаю»: «Слышим ныне, государь, и благодарим Господа о сем, яко от единыя прелести

¹⁷ Замысловский Е.Е. Челобитная старца Авраамия... С. 28–29.

¹⁸ В той же мере он характерен и для представителей патриаршей церкви. См., например: Панич Т.В. События прошлого в творчестве писателей патриаршего круга второй половины XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 3. С. 32–37.

¹⁹ Книга о вере. М., 1648. Л. 242–242 об.

²⁰ Аввакум, протопоп. Беседа третья. [Об иноческом чине] // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 131.

Никоновы, паче же рещи римския, свободилися: на Богоявление Господа нашего Иуса Христа в день ходили на воду, по старому церковному преданию, а не по римскому еретическому замышлению. Тии бо отступницы начаша ходити нощию на воду. Сея ради вины лестно умыслиша себе. Была у них девка папою, и у тое девство испрокудилось блудом и зачат во чреве. И егда поидоша в день праздника на воду, по обычаю, и тогда Господь, хотя всенародно обличити их проклятое блужение и прелесть, идучи на пути, папа родил дитя, и тогда всему царству срам бысть. И оттоле умыслиша нощию ходити на водосвящение, боящися такова же искушения; и покрываючи свой срам, ко Христу приложили свою леств, глаголюще, врази Христови: и Христос де нощию крестился»²¹. Судя по тому, что «некий праздник» «Книги о вере» назван в этом обличении праздником Богоявления, здесь было использовано какое-то дополнительное сочинение, весьма вероятно, не исторического, а полемического характера²².

Однако даже при условии обращения к дополнительным текстам хорошо видно, что оба фрагмента имеют одну и ту же основу, т.е. интерес к сюжету стимулировался одним и тем же фрагментом «Книги о вере», имевшим яркую полемическую (антилатинскую) окраску. Трудно предположить, что двое знакомых друг с другом авторов практически одновременно обратились напрямую к двум разным сочинениям (очевидно из перечня, который добросовестно приведен в той же «Книге о вере»).

Таким образом, в том случае, когда исторические примеры в старообрядческих сочинениях заимствовались из сочинений с яркой полемической направленностью, старообрядческие писатели демонстрируют умение применять аргументацию примерами из прошлого избирательно, сообразуясь со своими собственными задачами, отделять от риторического окружения собственно исторические сведения. Как представляется, это было возможно, потому что примеры из прошлого, почерпнутые из подобного рода литературы, обладали в глазах представителей старообрядческого движения собственной значимостью.

Источники исторических представлений ранних старообрядцев. Каковы источники знаний о прошлом у лидеров раннего старообрядчества? Некоторые из них прямо указаны в старообрядческих сочинениях. Подобными тщательными указаниями отличаются, к примеру, сочинения дьякона Федора: «Тогда бо повелением благочестиваго царя Феодосия собращася святых отец 150 на Македония-духоборца и осудивше его, прокляша, а Святаго Духа единосущна проповедаваше Отцу и Сыну, Бога истинна и Господа животворяща. Сице в Кормчей печатной книге, а в древних рукописных сице: святии отцы, 150, Святаго Духа, Бога и Господа, истинного и животворящаго, уясниша бытие, якоже Символ предержит, еже тии яснее благодатию Святаго Духа изгласиша, чти о 7-ми Вселенских соборех о сем»²³. Дьякон Федор ссылается сразу на две Кормчие – печатную и рукописную.

На Кормчую книгу (по всей видимости, рукописную) как на источник сведений об эпохе вселенских соборов и борьбе церкви с древними ересями также прямо указывал Герасим Фирсов: «Книга Кормчая. Третий святой вселенский собор бысть во Ефесе в лето 5000 девятьсот пятое на десять святых отец числом 200. Старейшины же бяху собору Кирил, папа Александрский, Иувеналий, патриарх Иеросалимский, Мемнон, епископ Едеский. Снидежеса сей собор на Нестория злочестиваго, епископа Константина града, человека верующа, Христа и разделяюща и пресецающа; проста бо человека быти глаголаше, а не Бога воплощася...»²⁴. Подобные экскурсы часто встречаются и у других авторов

²¹ *Замысловский Е.Е.* Челобитная старца Авраамия... С. 95–96.

²² К празднику Богоявления сюжет привязывается у некоторых западноевропейских авторов, в Московское государство он попал, очевидно, через полемическую литературу Западной Руси. О возможных источниках см.: *Аряев Л.Н.* Легенда о «женщине-папе» в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 2 (22). С. 89–111. Автор отмечает, что у старообрядцев сюжет заимствован из «Книги о вере» (а оттуда – из «Палинодии» Захарии Копыстенского), и приводит цитату из Челобитной Авраамия, однако не высказывает предположений, откуда иноком почерпнуты явно расширенные сведения.

²³ «Ответ православных» // *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 258.

²⁴ *Герасим (Фирсов).* О сложении перстов... С. 155.

(Лазаря, Авраамия, в соловецких челобитных) – как с указанием, так и без указания источника. Отметим, что в поисках примеров из прошлого старообрядческие авторы использовали пересказ или прямое цитирование как повествовательных текстов вводной части Кормчей (в печатной это два сказания о вселенских соборах, а также «Сказание об учреждении патриаршества»²⁵), так и тексты собственно правил. Так, Никита Добрынин, критикуя изменение в тексте «Трисвятого», приводит не только ссылки на соответствующие соборные установления, но и сопутствующее толкование с описанием чуда, случившегося в царствование императора Феодосия²⁶.

Любопытно отметить: как источник сведений об эпохе вселенских соборов дьяконом Федором позиционируется также и «Просветитель» Иосифа Волоцкого – «Никон... святые отцы наша оболгал и проклял, предавшая нам апостольскую веру, уставленную святыми отцы на первом и втором, и прочих семи соборах, на нихже было, якоже свидетельствует преподобный Иосиф Волоцкий в своей книге Просветителе, в 7 слове, 2 000 святых отец»²⁷. Федор здесь опирается не только на авторитет Иосифа, но и на его эрудицию. Разумеется, из «Просветителя» черпались сведения и о времени самого Иосифа, его борьбе с «жидовствующими»²⁸.

Не только как высочайший авторитет в вероучительных вопросах, но и как кладезь достоверных исторических свидетельств выступает в раннестарообрядческих сочинениях Максим Грек. «А у грек, государь, печати своей нет: все у них книги покупают печатные, а писмяных древних велия скудость у них. О сем еще и Максим премудрый сказал великому князю Василию. Прочитай, государь, в книге ево о сем»²⁹, – пишет дьякон Федор. «И в послании Фотия вселенскаго патриарха к болгарскому князю Михаилу весь Символ писал, так же и о Святом Дусе: и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго. И сие послание Фотиево велел часто чести Максим Грек царю Ивану Васильевичю»³⁰. Отметим, что если сообщение о послании Фотия к болгарскому князю Михаилу взято Федором из «Кирилловой книги»³¹, то сведения о том, что Максим Грек повелел читать это послание царю, – по-видимому, непосредственно из послания самого Максима: «Како же ли можеша прославити Его и угодити Ему во всех, чти себе частее послание блаженнаго Фотия, патриарха Царяграда, егоже посла к болгарскому царю Михаилу. И велику премудрость и пользу оттуду исчерпнути имаши, аще послушаешь его»³². «Сказание о еже како подобает известно блюсти исповедание православныя веры» стало источником сведений, которые приведены в качестве самостоятельного исторического примера в Челобитной инока Авраамия. В данном случае книжный источник старообрядческим автором намеренно не указан. Появление примера из прошлого, таким образом, мотивировано не необходимостью апеллировать к богословскому авторитету Максима, а важностью содержания фрагмента: «Колико бил челом святому пятому собору великий царь Иустиниян, да быша поволити ему приложити во святем символе едину малую пословицу сию, еже есть: присно, – да где глаголем: и Марии Приснодевы. Они же, трблаженнии отцы, соблюдающе заповеди первых четырех

²⁵ О роли «Сказания» в формировании старообрядческой идеологии см.: *Белякова Е.В.* Место печатной Кормчей в формировании идеологии старообрядчества // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 74–90. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-06.pdf> (дата обращения: 27.12.2023).

²⁶ Суздальского соборного попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу на книгу Скрижалъ и на новоисправленные церковные книги // *Материалы для истории раскола*. Т. 4. С. 123–124.

²⁷ [Авраамий, инок]. Христианоопасный щит веры... С. 70. Глава 12 сборника принадлежит дьякону Федору.

²⁸ «Ответ православных»... С. 253, 270–271.

²⁹ [Авраамий, инок]. Христианоопасный щит веры... С. 27. Глава 5 сборника принадлежит дьякону Федору.

³⁰ Там же. С. 83. Глава 14 сборника принадлежит дьякону Федору.

³¹ Кириллова книга. М., 1644. Л. 506–546 об. Дьякон Федор прямо указывает источник в нескольких своих сочинениях, а в «Ответе православных» указывает и лист книги: «Ответ православных». С. 255. Добавлю, что часть сведений из ранней истории церкви, по всей видимости, почерпнута Федором из этого послания.

³² Инок Максима Грека послание к благоверному царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси // Максим Грек. Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1860. Ч. 2. С. 351.

соборов, не поволели ему приложить пословицу ту во святом Символе, аще и ничто вредит, паче же пристаёт славу и похвалу пресвятей Богородицы; а во иных похвалах ея велели и глаголати, и писати. Егоже ради и царь, не получив от собора прощения своего, и любовию, яже ко пресвятей Богородице, нудим, сам сложил стих сей: Единородный Сын Слово Божие, безсмертен сый, изволив спасения нашего ради воплотитися от святыя Богородицы и Приснодевы Марии, и прочая»³³.

Нередко в качестве источника сведений, историчность которых подчеркивается полемистом, выступают проложные поучения либо жития. Такие примеры приводит в своей Челобитной Никита Добрынин, в ряде случаев сопровождая их указанием на дату, под которой тот или иной текст помещен в Прологе, например: «И паки, государь, Божие смотрение и неизреченный его чудодейственный промысл о священнотаинстве своем от самага начала литоргии не просты дары нам отккры, еже в Диосполе граде, в Георгиевской церкви, наченшу иерею литоргию служити, и виде срацын, яко поп закла детище и источи кровь его в потир, тело же положи на блюде (Прол[ог] ноября 26 чис.)»³⁴. Апелляция к Проложным житиям есть также в Пятой соловецкой Челобитной³⁵, откуда серия примеров заимствована в Челобитную Авраамия³⁶. Отчасти характер таких «примеров из прошлого» близок по содержанию раннестарообрядческим анонимным повестям, обязательный элемент которых – чудо или видение, доказывающее истинность того или иного дореформенного церковного обряда или обычая. Однако, в отличие от этих повестей, в которых «самовидцем» выступает, как правило, анонимный современник, достоверность сюжетов, происходивших в «определенном» или «неопределенном» прошлом, обуславливается самим фактом их нахождения в числе проложных текстов.

Наиболее известный пример обращения к такого рода сочинениям – цитирование либо пересказ жития Евфросина Псковского, в котором обличается его антагонист – «гнилой столп» Иов (Иев), четверивший аллилуию³⁷. Хотя старообрядческие авторы, как правило, не указывают источник, ограничиваясь глухой ссылкой на житие и иногда на день памяти (15 мая), по всей видимости они имели представление о житии благодаря Великим минеям четым митрополита Макария (памятник помещен там в редакции Василия-Варлаама). Как минимум это утверждение справедливо в отношении соловецких Челобитных: Геронтий Соловецкий, очевидно, пользовался сборником с выписками из Жития Евфросина, составленным по инициативе и при участии соловецкого книжника Сергея Шелонина³⁸, а тот, в свою очередь, обращался к одному из списков минеи, хранившемуся в Соловецком монастыре³⁹. Книжник Сергей Шелонин еще в 50–60-е гг. XVII в. вел целенаправленную работу по подбору аргументов в защиту дореформенного богослужения, причем, по выражению О.С. Сапожниковой, Сергей представлял собой не столько тип полемиста, сколько тип

³³ *Замысловский Е.Е.* Челобитная старца Авраамия... С. 69–70. Ср.: Инок Максима Грека сказание о еже како подobaет известно блюсти исповедание православныя веры // Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1862. Ч. 3. С. 56.

³⁴ Суздальского соборного попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу... С. 54.

³⁵ Челобитная (пятая) о вере соловецких иноков // Материалы для истории раскола. М., 1878. Т. 3. С. 220, 239. Пятая Соловецкая Челобитная опубликована в 3 т. «Материалов для истории раскола» в редакции Авраамия, по рукописи его сборника «Христианоопасный щит веры...». Здесь и далее мы пользуемся этой публикацией, принимая во внимание, что в цитируемых фрагментах расхождения между Пространной редакцией и редакцией Авраамия незначительны.

³⁶ *Замысловский Е.Е.* Челобитная старца Авраамия... С. 98–99.

³⁷ [Авраамий, инок]. Христианоопасный щит веры... С. 27–28. Глава 5 сборника принадлежит дьякону Федору. *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму... С. 155, 178; *Замысловский Е.Е.* Челобитная старца Авраамия... С. 61, 71–72, 77; Челобитная (пятая) о вере соловецких иноков... С. 233; Суздальского соборного попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу... С. 114–115.

³⁸ *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 367.

³⁹ *Охотникова В.И.* Соловецкие рукописи с Житием Евфросина Псковского // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 311, 316–319.

«книжника-ученого»⁴⁰. В своих занятиях он демонстрировал фундаментальный подход к источникам. Как отметила исследовательница, сборник, содержащий выписки из Жития, является одним из ранних свидетельств сопротивления реформе. О.С. Сапожникова предположила, что он послужил источником для других старообрядческих сборников⁴¹. Достоверно известно, что именно из Пятой соловецкой Челобитной соответствующие фрагменты попали в Челобитную инока Авраамия⁴². Однако есть основания предполагать независимое знакомство с минейным житием Никиты Добрынина, поскольку он в Челобитной упоминает о подробностях, отсутствующих в сборнике Сергия⁴³. Добавим, что тот пример интересен как любопытный штрих к проблеме «кочующих» сюжетов в старообрядческой литературе: несмотря на частые, а порой даже взаимные заимствования, как видим, в выборе и интерпретации источников, в том числе и источников исторических сведений, полемисты проявляют известную самостоятельность.

Разнообразные сведения о прошлом почерпнуты лидерами раннего старообрядчества из вероучительных изданий Московского печатного двора – сборников «Кирилловой книги» и «Книги о вере» – как с указанием, так и без указания на эти издания. «Егда Апостол Христов Андрей Первозванный распят бысть в Пеле острове, близ Рима, и, вися на кресте, учаще учеников своих, глаголя: “Веруйте в Бога Отца истинного и в Сына Его Иисуса Христа, Бога истинного, и в Духа Святого, Господа истинного”. Сие в послании ахайских презвитеров писано учение учителя их, святого апостола Андрея, и в Кирилове книге московской введено сие свидетельство», – упоминает об издании дьякон Федор в «Послании к сыну Максиму»⁴⁴. Из «Кирилловой книги» черпались сведения о разнообразных ересьях, а также, учитывая ее антикатолическую и антипротестантскую направленность, сведения из истории западной церкви: так, из нее позаимствованы Никитой Добрыниным сведения о Петре Гугнивом⁴⁵, а Лазарем – о календарной реформе папы Григория XIII⁴⁶.

«Книгу о вере» в качестве своего источника называет Лазарь при упоминании о том, что «святейшие патриархи» писали князю Василию Острожскому «хвальные грамоты, что он крепко стоял за православную веру»⁴⁷. Из «Книги о вере» также заимствован один из самых распространенных «исторических» сюжетов в старообрядческой полемике – рассказ о папе Формозе⁴⁸, приводившийся для доказательства неканоничности троеперстного крестного знамения. О нем упоминают Никита Добрынин, Лазарь, Спиридон Потемкин, протопоп Аввакум, дьякон Федор, инок Авраамий. Последний в Челобитной приводит точную ссылку на лист книги. Н.С. Демкова, анализируя круг чтения Аввакума, в связи с этим примером сделала интересное наблюдение, что ссылки на латинские хроники, которые любил делать протопоп, «объясняются его хорошим знакомством с “Книгой о вере”... где имеются все те сюжеты, которые привлекали внимание Аввакума»⁴⁹. В отношении сюжета о Формозе это

⁴⁰ Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергий Шелонин... С. 469–472.

⁴¹ Там же. С. 370–371.

⁴² Челобитная (пятая) о вере соловецких иноков... С. 232–234; Замысловский Е.Е. Челобитная старца Авраамия... С. 71–72.

⁴³ В.И. Охотникова отметила, что Сергием был опущен фрагмент о вторичной женитьбе попа Иова: Охотникова В.И. Соловецкие рукописи с Житием Евфросина Псковского... С. 317. Однако это упоминание есть в Челобитной Никиты Добрынина: Суздальского соборного попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу... С. 115.

⁴⁴ Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму... С. 163.

⁴⁵ Суздальского соборного попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу... С. 86. Ср.: Книга о вере. Л. 231 об.

⁴⁶ Кириллова книга. Л. 21. Дословно цитируя «Кириллову книгу», Лазарь ошибочно называет папу Григория не тринадцатым, а двенадцатым.

⁴⁷ Книга о вере. Л. 119; Лазарь, свящ. О несогласии самих с собою новых книг и о неправых в них дохматех и хульных словах // Материалы для истории раскола... Т. 4. С. 211. В близких выражениях об этом несколько раз в своих сочинениях упоминает и дьякон Федор – см.: Федор, дьякон. «Письмо», поданное собору российских архипастырей на допросе 11 мая 1666 г. // Материалы для истории раскола. М., 1881. Т. 6. С. 8; Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму... С. 156, 167.

⁴⁸ Книга о вере. Л. 239.

⁴⁹ Сарафанова (Демкова) Н.С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума... С. 338.

справедливо абсолютно для всех ссылающихся на него старообрядческих полемистов. Однако, как видно из перечисления выше, круг почерпнутых из московских печатных изданий сюжетов был несравненно шире.

Источники исторических представлений ранних старообрядцев: сочинения исторического жанра. Одновременно в трудах ранних старообрядческих полемистов сравнительно мало ссылок на собственно сочинения исторического жанра. Обращаясь к кругу чтения Аввакума, Н.С. Демкова в упомянутой статье среди таковых назвала Палею (историческую) и Хронограф, присовокупив к ним ряд литературно-исторических повестей, например «Повесть о белом клобуке»⁵⁰. В то же время исследовательница высказала мнение, что Аввакум читал историческую литературу «в большем объеме, чем сам указывал в своих сочинениях. Так, например, Аввакум не считает нужным обращать внимание читателей на свое постоянное использование Хронографа»⁵¹. Однако в сочинениях других раннестарообрядческих авторов также почти не содержится явных указаний на сочинения исторического жанра. Если в случае Аввакума исследовательница объясняет это его манерой ссылаться только на Библию и святоотеческую литературу⁵², то в случае его единомышленников, часть из которых относилась к ссылкам с куда большим вниманием, мы видим ту же картину. Ссылки на исторические сочинения в трудах старообрядцев немногочисленны. В частности, у Никиты Добрынина – глухая ремарка «в летописце пишет» про Ферраро-Флорентийский собор⁵³. Этот случай любопытен тем, что оформление этой отсылки практически совпадает с соответствующим местом в «Книге бесед» Аввакума, который также при упоминании Ферраро-Флорентийского собора пишет: «в летописцах русских помянуто»⁵⁴. Учитывая то, что Аввакум «много брал из вторых рук»⁵⁵, в данном случае можно предположить влияние Челобитной Никиты Добрынина. В комментариях к изданию сочинений Аввакума (1960 г.) было высказано предположение, что речь может идти о «списке Хронографа русской редакции XVII в.», содержащем одну из редакций «Повести» Симеона Суздальца⁵⁶. О чтении «Гранографа» (правда, без указания конкретных сюжетов, оттуда почерпнутых) упоминает дьякон Федор⁵⁷.

Еще одно упоминание сочинения исторического характера относится к сюжету, также общему для двух авторов. Это сюжет о митрополите Исидоре и «латынском крыже», приводимый в Третьей и Пятой соловецких челобитных. В последней он вводится словами: «Яко же во истории пишет, еже бысть от создания мира в лето 6981, егда прииде из Царя града царева Софиа в царствующи град Москву, к великому князю Ивану Васильевичю, и с нею же прииде из Рима от папы посол Антоний лягастос, и нес пред собою крыж»⁵⁸. Из этой челобитной сюжет (вместе со вступительной ссылкой на «историю») заимствован иноком Авраамием и приведен в его Челобитной⁵⁹. В статье Н.С. Гурьяновой, посвященной роли этого сюжета в старообрядческой полемике XVII–XVIII вв., указаны его возможные источники: в челобитные он попал, по всей видимости, из сборника, составленного казначеем Геронтием, а туда – из Степенной книги⁶⁰.

Разумеется, нам знакомы примеры раннестарообрядческих архивов, которые аккумулировали в том числе и сочинения исторического жанра⁶¹. Однако представляется весьма

⁵⁰ Сарафанова (Демкова) Н.С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума... С. 331–333.

⁵¹ Там же. С. 338–339.

⁵² Там же. С. 329.

⁵³ Суздальского соборного попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу... С. 96–97.

⁵⁴ Аввакум, протопоп. Беседа третья [Об иноческом чине]... С. 132.

⁵⁵ Сарафанова (Демкова) Н.С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума... С. 331.

⁵⁶ Комментарий // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 390.

⁵⁷ Федор, дьякон. «Письмо», поданное собору российских архипастырей на допросе 11 мая 1666 г. ... С. 5.

⁵⁸ Челобитная (пятая) о вере соловецких иноков... С. 227.

⁵⁹ Замысловский Е.Е. Челобитная старца Авраамия... С. 105.

⁶⁰ Гурьянова Н.С. Сюжет о митрополите Исидоре в системе аргументации старообрядцев... С. 38–39.

⁶¹ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России... С. 50–75; Бубнов Н.Ю. Геронтий Соловецкий и его сочинения // Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого... С. 81–99.

вероятным, что малое число ссылок на эти сочинения в наследии «отцов-основателей» движения (среди общего количества ссылок на книги, в том числе и при аргументации «примерами из прошлого») в целом отражает степень знакомства с ними авторов. Конечно, как и в случае с Аввакумом, часть полемистов не афиширует свои источники, но в той же мере она не афиширует и неисторические книги.

Исследователи вполне справедливо восхищаются умением раннестарообрядческих авторов находить редкие сочинения и их редакции, высоким уровнем их начитанности. Так, дьякону Федору были знакомы повести о смутном времени⁶², Аввакуму и Авраамии – одна из редакций повести Симеона Суздальца о Флоренском соборе⁶³, казначею Геронтию – Степенная книга⁶⁴ и др. Имеется и выдающийся пример книжника Сергия Шелонина, который, работая над сбором аргументов против реформы, сам составил Хронограф особого состава. Случаи обращения к подобного рода сочинениям показывают, что интерес к ним у идеологов движения, несомненно, был. Однако наряду с яркими образцами исторической литературы и в равной мере с ними типичными источниками приводимых старообрядцами исторических сюжетов были сочинения иного предназначения и, соответственно, иных жанров – от свода канонических правил (Кормчая) и житий до вероучительных сочинений (как правило, полемической направленности).

* * *

Необходимость обращения к сюжетам из прошлого была продиктована самой спецификой старообрядческой полемики (этого настоятельно требовала защита дореформенной старины), и представители движения демонстрируют стойкий интерес к поиску подобного рода аргументов. Хотя отдельные сюжеты, в большинстве своем из церковной истории, являются «поддержкой» аргументации другого рода (так, защищая свое понимание догматического смысла двуперстного крестного знамения, старообрядческие полемисты приводят примеры событий прошлого в качестве подтверждения основного тезиса) и нередко даже заимствуются из древнерусских рукописных и старопечатных книг вместе с этой аргументацией, в раннестарообрядческих сочинениях хорошо заметна тенденция заострить историчность того или иного примера. Подчас подобные примеры изымались из первоначального риторического контекста и становились частью более актуальных полемических суждений.

При этом книжными источниками примеров из прошлого часто выступают труды, основная функция которых не была связана с передачей чисто исторических знаний. Сведения о прошлом черпались и из печатных изданий, предназначенных для религиозного просвещения (сборники «Книга о вере», «Кириллова книга»), и из древнерусских сочинений вероучительного и полемического содержания (Максима Грека, Иосифа Волоцкого), проложных и минейных житий, памятника канонического права – Кормчей книги. Как представляется, обращение к определенному роду литературе было результатом как целенаправленного поиска, так и наличия у старообрядческих идеологов ясных представлений о том, где могут находиться подобные сведения.

Приведенный неизбежно неполный в рамках статьи перечень сочинений тем не менее давно и хорошо знаком исследователям старообрядчества, занимавшимся вопросами происхождения старообрядческой идеологии. Неочевидна здесь та роль, которую подобные сочинения играли в формировании «исторической эрудиции» защитников старого обряда. Это явление имеет объяснение.

Прежде всего, и состав, и функции названных сочинений в сознании и писателей, и читателей того времени были зачастую шире их прямого назначения. К примеру, Кормчая не была исключительно «памятником юридической мысли» (хотя появление печатного

⁶² Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России... С. 91.

⁶³ Демидова Л.Д. Истоки русского раскола: инок Авраамий... С. 182–185.

⁶⁴ Бубнов Н.Ю. Геронтий Соловецкий и его сочинения... С. 97. Помимо «Сказания о новых книгах», прямые ссылки на Степенную книгу имеются в «Сказке», написанной по приезде сотника Василия Чадаева: Сказка, написанная в Соловецком монастыре по приезде сотника Чадуева. 1668. 23 февраля // Материалы для истории раскола... Т. 3. С. 302, 307–308.

издания и способствовало формированию у старообрядцев нового подхода к церковным правилам⁶⁵). Вводные тексты печатной Кормчей книги сыграли роль в оформлении одного из важных положений старообрядческой идеологии – о сияющем русском благочестии до никоновских реформ⁶⁶. Как мы могли убедиться, из нее (а также рукописных Кормчих) черпались сведения о ранней церковной истории. Интересно использование старообрядцами проложных и минейных текстов. Апелляция к святым, без сомнения, обусловлена одним из основных идеологических положений «отцов-основателей» движения: защита старых обрядов позиционировалась как защита древних святых, ведь именно их память «похулил» Никон своими реформами. Но, надо полагать, что и сами памятники житийной литературы воспринимались в культуре того времени как повествование с элементами исторического жанра (многочисленны примеры вставки подобных сочинений в летописи).

Отчасти указанный состав источников исторических сведений обусловлен тем, что нередко приводимые старообрядцами примеры вторичны, они являются достоянием эрудиции книжников, на которых старообрядцы опирались в поисках аргументации другого, неисторического характера. Аргументация историческими примерами – универсальный прием, к которому прибегали как почитаемые старообрядцами Максим Грек и Иосиф Волоцкий, так и часто не называемые ими по имени, но обильно цитируемые полемисты Киевской митрополии, с чьим наследием «отцы-основатели» движения были знакомы благодаря издательской деятельности Московского печатного двора.

Кроме того, эпизоды обращений к сочинениям собственно исторического жанра (хронографы, исторические палеи, летописи, исторические повести и др.), на мой взгляд, напрямую связаны с исключительной книжной эрудицией автора и с доступом к обширным книжным собраниям (дьякон Федор, Геронтий Соловецкий). В отсутствие систематического образования исторические знания неизбежно были результатом индивидуальной начитанности. Необходимость вести полемику против реформ была здесь мощным стимулом, однако, как представляется, в условиях ограниченного времени и не всегда возможного выбора среди любой литературы старообрядческие идеологи обращались к тем из сочинений, которые уже были им знакомы, наиболее широко распространены и доступны. В этих обстоятельствах, к примеру, имевшие систему распространения книги Московского печатного двора получали преимущество перед списками летописи или хронографа, хотя бы и самого распространенного. Как представляется, именно те неисторические сочинения, из которых черпали знания старообрядческие авторы, были полноправными источниками более-менее массового (в той мере, в какой это было возможно по меркам XVII в.) знания о прошлом, несмотря на то, что сочинения исторического жанра давно и прочно заняли место в древнерусской литературе. Те тексты, из которых (преимущественно) городское белое духовенство – к этой среде принадлежала значительная часть старообрядческих лидеров, активно черпало исторические знания, читались им в том числе и по прямому долгу пастырской службы.

Эту особенность, на мой взгляд, следует принимать во внимание при изучении знаний о прошлом людей XVII в., поскольку опыт старообрядческих идеологов является здесь типичным. Общее место исследовательских работ о старообрядчестве – тезис о его представителях как о наследниках традиционной древнерусской культуры. Очевидно, что это определение не ограничивается только вопросами книжности, но и распространяется и на ценности, и на тип и характер образованности, способы получения знаний. Отдельное внимание хотелось бы обратить на редчайшее использование старообрядцами таких источников, как русские летописные своды, которые зачастую оказываются основным источником, по которому исследователи судят об исторических представлениях средневековой Руси. Между тем при подобного рода анализе особенности бытования и распространения тех или иных сочинений о прошлом, как представляется, имеют первостепенное значение.

⁶⁵ *Белякова Е.В.* Место печатной Кормчей в формировании идеологии старообрядчества... С. 83–86.

⁶⁶ Там же. С. 76–80.

Литература

Аряев Л.Н. Легенда о «женщине-папе» в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 2 (22). С. 89–111.

Белякова Е.В. Место печатной Кормчей в формировании идеологии старообрядчества // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 74–90. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-06.pdf> (дата обращения: 27.12.2023).

Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб.: БАН, 1995. 434 с.

Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб.: Русская симфония, 2006. 320 с.

Громов Н.Н. Время и его восприятие в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2. С. 7–17.

Гурьянова Н.С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск, 2017. 230 с.

Гурьянова Н.С. Исторические штудии противников церковной реформы во второй половине XVII в. // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 238–250. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-15.pdf> (дата обращения: 27.12.2023).

Гурьянова Н.С. Сюжет о митрополите Исидоре в системе аргументации старообрядцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. № 3. С. 36–43.

Демидова Л.Д. Истоки русского раскола: инок Авраамий. СПб.: Нестор-История, 2022. 352 с.

[Демкова Н.С., Дробленкова Н.Ф. Сазонова Л.И.] Источники и параллели к текстам (комментарий) // Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л.: Наука, 1975. С. 228–251.

Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия; подгот. текста и коммент. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, А.С. Елеонской, А.И. Мазунина, В.И. Малышева, Н.С. Сарафановой. М.: Гослитиздат, 1960. 480 с.

Замысловский Е.Е. Челобитная старца Авраамия // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1877. Т. VI. Отд. II. С. 1–129.

Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М.: Церковь, 1995. 528 с.

Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1859–1862. Ч. 2. 1860. 460 с.; Ч. 3. 1862. 296 с.

Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4. С. 6–22.

Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» / под ред. Н. Субботина. М., 1874–1894. Т. 3. 1878. 457, VIII с.; Т. 4. 1878. XXXII, 314 с.; Т. 6. 1881. XXVIII, 335 с.; Т. 7. 1885. XXX, 433 с.

Никольский Н.К. Сочинения соловецкого инокера Герасима Фирсова по неизданным текстам (к истории северно-русской литературы XVII в.). [СПб.]: Комитет Императорского Общества Любителей Древней Письменности, 1916. [4], XLIV, 233 с. (Памятники древней письменности и искусства. Т. 188).

Охотникова В.И. Соловецкие рукописи с Житием Евфросина Псковского // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь / отв. ред. С.А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 311–319.

Панич Т.В. События прошлого в творчестве писателей патриаршего круга второй половины XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 3. С. 32–37.

Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-архео, 2010. 560 с.

Сарафанова (Демкова) Н.С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 329–340.

Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1898. 134 + 237 + 114 с.

Тумова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 311 с.

Referenses

Aryaev, L. (2023). Legenda o “zhenshchine-pape” v “Istorii Rossiyskoy” V.N. Tatishcheva [Legend About the “Female Pope” in the “Russian History” by Vasily Tatishchev]. In *Paleorosiya. Drevnyaya Rus’: vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. No. 2 (22), pp. 89–111.

Belyakova, E.V. (2023). Mesto pechatnoy Kormchey v formirovaniy ideologii staroobryadchestva [The Place of the Printed Kormchaia in the Formation of the Ideology of the Old Believers]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 2 (28), pp. 74–90. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-06.pdf> (date of accessed 27.12.2023).

Bubnov, N.Yu. (2006). *Pamyatniki staroobryadcheskoy pis'mennosti: Sochineniya Gerontiya Solovetskogo. Istoriya o patriarkhe Nikone* [Oeuvres of Old Believer Writing: Works of Gerontii Solovetsky. The Story of Patriarch Nikon]. St. Petersburg, Russkaya simfoniya. 320 p.

Bubnov, N.Yu. (1995). *Staroobryadcheskaya kniga v Rossii vo vtoroy polovine XVII v.: Istochniki, tipy i evolyutsiya* [The Old Believer Book in Russia in the Second Half of the 17th Century: Sources, Types and Evolution]. St. Petersburg, BAN. 434 p.

Gromov, N.N. (2009). Vremya i ego vospriyatie v Drevney Rusi [Time and its Perception in Ancient Rus’]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. No. 2, pp. 7–17.

Gudzii, N.K. (Ed.). (1960). *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniya* [The Life of Archpriest Avvakum Written by Himself and His Other Oeuvres]. Prep. text and comment. by N.K. Gudzii, V.E. Gusev, A.S. Eleonskaya, A.I. Mazunin, V.I. Malyshev, N.S. Sarafanova. Moscow, Goslitizdat. 480 p.

Gurianova, N.S. (2022). Istoricheskie shtudii protivnikov tserkovnoy reformy vo vtoroy polovine XVII v. [Historical Studies of the Opponents of Church Reform in the Second Half of the 17th Century]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 2 (22), pp. 238–250. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-15.pdf> (date of accessed 27.12.2023).

Gur’yanova, N.S. (2017). *Rukopisnye sborniki i oformlenie ideologii staroobryadcheskogo dvizheniya* [Handwritten Collections and Formation of the Ideology of the Old Believer Movement]. Novosibirsk. 230 p.

Gur’yanova, N.S. (2023). Syuzhet o mitropolitte Isidore v sisteme argumentatsii staroobryadtsev [The Plot of Metropolitan Isidor in the System of the Old Believers’ Argumentation]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 36–43.

Demidova, L.D. (2002). *Istoki russkogo raskola: inok Avraamiy* [The Origins of the Russian Schism: Monk Avraamii]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 352 p.

[Demkova, N.S., Droblenkova, N.F., Sazonova, L.I.] (1975). Istochniki i paralleli k tekstam (kommentarii) [Sources and Parallels to Texts (Commentary)]. In *Pustozerskiy sbornik. Avtografy sochineniy Avvakuma i Epifaniya*. Leningrad, pp. 228–251.

Malinova, O.Yu. (2017). Kommemoratsiya istoricheskikh sobytiiy kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel’nogo analiza [Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Policy: Possibilities of Comparative Analysis]. In *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. No. 4, pp. 6–22.

Maksim Grek. (1859–1862). *Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka, izdannye pri Kazanskoy dukhovnoy akademii* [Works of St. Maxim the Greek, Published at the Kazan Theological Academy]. Kazan’. Part 2. 1860. 460 p. Part. 3. 1862. 296 p.

Nikol’skiy, N.K. (1916). *Sochineniya solovetskogo inoka Gerasima Firsova po neizdannym tekstam (k istorii severno-russkoy literatury XVII v.)* [Works of the Solovetsky Monk Gerasim Firsov Based on Unpublished Texts: (On the History of Northern Russian Literature of the 17th

Century]. [St. Petersburg], Komitet Imperatorskogo Obshchestva Lyubitelei Drevney Pis'mennosti. [4], XLIV, 233 p. (Pamyatniki drevney pis'mennosti i iskusstva. Vol. 188).

Okhotnikova, V.I. (2001). Solovetskie rukopisi s Zhitiem Evfrosina Pskovskogo [Solovetsky Manuscripts with the Life of Euphrosyn of Pskov]. In *Knizhnye tsentry Drevney Rusi. Solovetskiy monastyr'*. St. Petersburg, pp. 311–319.

Panich, T.V. (2020). Sobytiya proshlogo v tvorchestve pisateley patriarshego kruga vtoroy poloviny XVII v. [Events of the Past in the Works of the Patriarch Circle Writers in the Second Half of the 17th Century]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 32–37.

Sapozhnikova, O.S. (2010). *Russkiy knizhnik XVII v. Sergiy Shelonin. Redaktorskaya deyatel'nost'* [Russian Scribe of the 17th Century Sergius Shelonin. Editorial Activity]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo. 560 p.

Sarafanova (Demkova), N.S. (1962). Proizvedeniya drevnerusskoy pis'mennosti v sochineniyakh Avvakuma [Works of Old Russian Writing in the Works of Avvakum]. In *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad. Vol. 18, pp. 329–340.

Smirnov, P.S. (1898). *Vnutrennie voprosy v raskole v XVII v.: Issledovanie iz nachalnoy istorii raskola po vnov otkrytym pamyatnikam, izdannym i rukopisnym* [Internal Issues in the Schism in the 17th Century: A Study from the Initial History of the Schism from Newly Discovered Documents, Published and Manuscripts]. St. Petersburg. 134 + 237 + 114 p.

Subbotin, N.I. (Ed.). (1874–1894). *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego suschestvovaniya, izdavaemye redaktsiyey "Bratskogo slova"* [Materials for the History of Schism Over the Early Period of Its Existence]. Moscow. Vol. 3. 457, VIII p. Vol. 4. XXXII, 314 p. Vol. 6. XXVIII, 335 p., Vol. 7. 433 p.

Titova, L.V. (2003). *Poslanie d'yakona Fedora synu Maksimu – literaturnyy i polemicheskyy pamyatnik rannego staroobryadchestva* [Deacon Fyodor's Epistle to His Son Maxim – a Literary and Polemical Document of the Early Old Believers]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 309 p.

Zamyslovskiy, E.E. (1877). Chelobitnaya startsa Avraamiya [The Petition of Elder Avraamii]. In *Letopis' zanyatyy Arkheograficheskoy komissii*. St. Petersburg. Vol. VI, Part. II, pp. 1–129.

Zen'kovskiy, S.A. (1995). *Russkoe staroobryadchestvo. Dukhovnye dvizheniya semnadsatogo veka* [Russia's Old Believers. Spiritual Movements of the 17th Century]. Moscow, Tserkov'. 528 p.